

ДЕТЕКТИВ

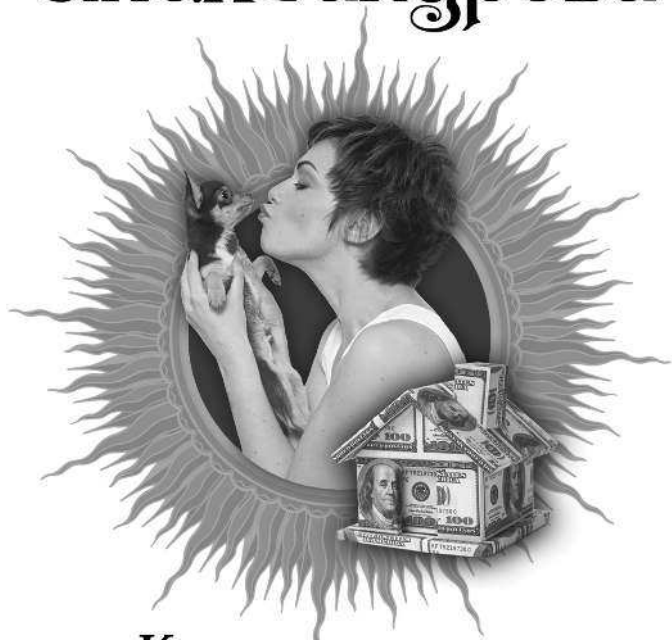

ПОЗИТИВ

Читайте романы Натальи Александровой в серии «Детектив-позитив»:

Комната свиданий, или Кодекс поведения блондинки
Развод до гроба, или Мальтийская головоломка
Девушка из торта, или Лямур, тужур и абажур
Черный кот в мешке, или Откройте принцу дверь!
Киллер для любимой, или Теща Франкенштейна
Колдовской месяц, или Неправда о любви
Любовь-злодейка, или Утром - деньги, вечером - пуля
Любимая дочь миллионера, или Алмазная принцесса
Виновата ли я, или Дурдом с призраками
Красавец без обложки, или Влюбленным вход воспрещен!
Приданое ведьмы, или Все против свекрови
Последний мачо на деревне, или Полюблю до гроба
Загс разбитых сердец, или Игра с неверным мужем
Прячьте ваши денежки, или Любовь мексиканского сыщика
Кобра с дьявольским терпением, или Белые ночи с Херувимом
Актриса погорелого театра, или Укрощение свекрови
Родственнички с большой дороги, или До свадьбы заживет
Гнев львиной богини, или Проделки небожительницы
Лунная походка черного кота, или Призрак фокусника
Проклятие скорпиона, или До последней звезды
Волшебница страны коз, или Рассмешить Бога
Мачо в белых тапочках, или Карамельные неприятности
Шайка шустрых покойников, или Серенада для шефа
Охотница за головами, или Миллион черных роз
Вальс бывших жен, или Небо в шоколаде
Одна маленькая ложь, или Король изумрудов
Оживить покойника, или Тайное сокровище олигарха
Кто сказал «гав», или Приятных кошмаров!

Наталья Александрова

**Кто сказал «гав»,
или Приятных кошмаров!**

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление серии *Н. Никоновой*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Кто сказал «гав», или Приятных кошмаров : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Детектив-позитив).

ISBN 978-5-699-90195-1

Все зло, как известно, от черного пуделя. Ни за что не ходите есть пирожные в кафе, где бывает женщина с королевской пуделихой. И уж точно не берите в это кондитерское путешествие любимого чихуахуа, как легкомысленная Лола. Теперь ее другу Лене Маркизу нужно отложить все, чем занимается в будний день каждый порядочный жулик, и броситься на поиски собаки, ведь если Пу И не вернется домой, кто будет встречать Леню после очередной победной аферы?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90195-1

© Александрова Н. Н., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Ирма подбросила в пылающий камин большое смолистое полено и повернулась к мужу:

— Не волнуйся, я завтра же найду другую прислугу. Девчонка вела себя просто ужасно...

— Твоя вечная ревность... — Алексей поморщился. — Ведь ты сама прекрасно знаешь, что для нее нет никаких оснований...

— Ревность тут не при чем! — Ирма выпрямилась и посмотрела на мужа долгим внимательным взглядом. На самом деле она, конечно, ревновала его. Ревновала и любила. И дело было вовсе не в том, что он известный и обеспеченный человек, крупный режиссер, что его имя не сходит со страниц газет, а лицо — с телевизионных экранов... Ее до сих пор, хотя они прожили вместе почти десять лет, волновали его глубокие серые глаза, выразительные и насмешливые, его жесткий чувственный рот, его сильные руки... Но не признаваться же мужу, что она приревновала его к лупоглазой вертихвостке, к молодой служанке, которая беззастенчиво строила глазки хозяину...

— Ревность тут ни при чем! — повторила Ирма. — Она совершенно ничего не умеет, а когда

разбила чашку из моего любимого гарднеровского сервиза, я не выдержала...

— Ну и кто же теперь приготовит нам ужин? — недовольно протянул Алексей.

— Я сама приготовлю, — Ирма улыбнулась, — ты уже забыл, как я хорошо готовила раньше, когда у нас не было прислуги?

— Это было давно! — Алексей улыбался, это хороший признак.

— И вообще, — Ирма решила закрепить успех, — мне очень приятно провести вечер с тобой вдвоем... Только вдвоем!

Она подошла к мужу, он привлек ее к себе и потерся щекой о затянутое бордовым шелком бедро.

— Подожди, дорогой, — Ирма высвободилась, — я посмотрю, что бы такое сделать нам на ужин...

— Только недолго, — Алексей откинулся на спинку кожаного кресла и взял в руки книгу.

Ирма открыла морозилку. Честно говоря, она на самом деле давно отвыкла готовить, да ей это и раньше не слишком нравилось, но ради мужа она могла вынести многое...

Многое, но не все. Не чистить же сейчас овощи... И рыба, она так пахнет...

Ирма отложила в сторону вакуумную упаковку форели и остановила свой выбор на готовых отбивных, которые достаточно было положить в микроволновку и разогреть. Она вспоролла упаковку острым, лазерной заточки ножом, выложила отбивные на тарелки и поставила в печь.

Решив, что совершила очень большое хозяйственное усилие, граничащее с подвигом, она поставила таймер на десять минут и пошла в кладовку выбрать бутылку вина к ужину.

В их доме не было настоящего винного погреба, они держали вино в кладовке, расположенной рядом с кухней, поддерживая там оптимальную для вина температуру и влажность.

Ирма выбрала бутылку «Шато ле Берне Медок» восемьдесят седьмого года и направилась в гостиную.

— Отбивные будут готовы через десять минут! — проговорила она с порога.

Алексей ничего ей не ответил.

В первую секунду Ирма не почувствовала беспокойства. Она неторопливо шла по ковру, держа в руке прохладную чуть запыленную бутылку, и предвкушала тихий семейный вечер, привычные, но не надоевшие ласки...

И вдруг она увидела книгу на ковре.

Алексей сидел в кресле спиной к дверям, Ирма пока не видела мужа, скрытого от нее спинкой кресла, но книга, которую он только что держал в руке, валялась на полу.

Может быть, он задремал и уронил ее?

Может быть, но сердце Ирмы бешено забилося от страшного предчувствия.

Она бросилась к мужу, обежала массивное кожаное кресло...

И крик ужаса вырвался из ее горла.

Алексей лежал в кресле, безвольно откинувшись, и смотрел в потолок широко открытыми

мертвыми глазами. А на его горле от уха до уха зияла огромная, аккуратная, как хирургический разрез, рана. Эта рана была похожа на второй рот, разинутый в припадке страшного, чудовищного смеха.

Одежда Алексея была залита кровью, и лужа крови натекла на пушистый ковер возле его ног. И тут же, на ковре, лежало орудие убийства — острый немецкий нож лазерной заточки, тот самый, которым Ирма только что вскрыла упаковку с отбивными.

Нож с ее отпечатками пальцев.

Ирма продолжала истошно кричать. Она уронила бутылку, и темно-рубиновое вино смешалось на ковре с алой кровью Алексея.

Ирма кинулась к дверям, выбежала из коттеджа, не обращая внимания на апрельский холод, на подтаявший снег под ногами, бросилась к воротам, вылетела в калитку, добежала до соседнего дома и принялась колотить в дубовую дверь, истошно вопя:

— Помогите! Помогите! Алексея убили!

Федор Михайлович любил выражаться штампами. Он называл их не штампами, конечно, а мудрыми мыслями, золотыми словами. Зачем выдумывать лишние слова и выражения, считал он, если все уже придумано до нас? Раз уж слово или фраза, метко сказанная неважно кем — знаменитым писателем или видным политическим деятелем, выдающимся спортсменом либо же простым мужиком у пивного ларька, который, по су-

ти, тоже носитель великого и могучего русского языка, — раз уж такая удачная фраза пошла гулять по огромной стране — опять-таки выражаясь расхожим штампом — получила путевку в жизнь, — стало быть, эта фраза достойна того, чтобы ее часто употребляли. Простого человека не обманешь, шила в мешке не утаишь, народ — он правду видит...

Настольной книгой Федора Михайловича были изданные в одна тысяча девятьсот пятьдесят девятом году «Крылатые слова и выражения». Федор Михайлович часто перечитывал эту замечательную книгу, сетуя изредка, что она несколько устарела, и дописывал на последнюю страницу своим мелким отчетливым почерком понравившиеся ему выражения, которые узнавал из газет — ведь всем хорошо известно, что никто так не любит выражаться штампами, как газетчики.

Федор Михайлович читал очень много газет, потому что он ими торговал. Как известно — чем торгуешь, то и имеешь. Всему лучшему в себе он был обязан печатному слову.

Лоток Федора Михайловича стоял на довольно бойком и оживленном месте — возле крупного продовольственного магазина, и, долгое время постоянно видя перед собой броские заголовки многочисленных газет так называемой желтой, бульварной прессы, Федор Михайлович вполне естественно и мыслить стал соответствующими штампами.

Было позднее весеннее утро, самая середина ласкового мая. Город жизнерадостно сверкал чис-

то вымытыми стеклами окон — даже самые ленивые хозяйки уже успели совершить обязательную майскую процедуру. Деревья весело зеленели мелкими, не успевшими запылиться и поскучнеть молоденькими листочками. Громко чирикали общительные воробьи. Женщины радовали глаз яркими весенними нарядами.

Федор Михайлович подставлял лицо ласковому приветливому солнышку и с удовольствием рассматривал неторопливых прохожих. Народу на улице было совсем немного — служивый люд давно уже схлынул, студенты и школьники — тоже. Понятное дело, учење — свет, а знание — сила. Заходили в магазин озабоченные домохозяйки, занятые решением продовольственной проблемы в рамках отдельно взятой семьи, молодые мамы с детьми шли мимо газетного лотка к ближайшему скверу (дети — наше будущее, цветы жизни), старухи с сосредоточенным видом оставались у лотка.

Старух Федор Михайлович не любил — они долго, капризно перебирали все газеты, лишая их при этом товарного вида, громогласно критиковали неприличные заголовки, но чрезвычайно редко что-нибудь покупали. На молодых мамаш смотреть было бы, конечно, очень приятно, если бы не их визжащие и орущие малолетние отпрыски.

Но в целом настроение в это славное утро у Федора Михайловича было отличное.

«Утро красит нежным цветом...» — всплыло в голове, и Федор Михайлович поразился, до чего

же верны эти строчки. Действительно, в это весеннее утро все цвета казались удивительно нежными, воздушными. Все виделось как бы в легкой полупрозрачной дымке.

Федор Михайлович невольно блаженно прикрыл глаза, но очень скоро открыл их, потому что в голове у него неизвестно откуда появилась неожиданная мысль:

«На аллеях центрального парка дивным цветом цветет резеда...»

Федор Михайлович удивился, к чему тут резеда. Он оглянулся вокруг и сообразил, что напоминание о резеде навел, очевидно, нежный аромат духов вон той интересной особы в зеленоватом — под цвет ранней весенней зелени — брючном костюме.

Федор Михайлович, несмотря на возраст, был человеком наблюдательным и научился разбираться в женских нарядах. Он втянул носом воздух. Аромат был восхитительным — пряным и нежным одновременно. Федор Михайлович совершенно не был уверен, что это действительно аромат резеды, даже наоборот, он был почти уверен, что это не резеда. Откровенно говоря, Федор Михайлович понятия не имел, как пахнет резеда и как она выглядит.

«Ваши пальцы пахнут ладаном» — всплыло в мозгу.

Нет, опять не то. Федор Михайлович невольно вытянул шею, наблюдая за прелестной незнакомкой. Она была молода и хороша собою, не нужно было долго рассматривать, чтобы это понять. Уз-

кие брючки в меру обтягивали стройную фигуру. Походка у нее была легкой, летящей, несмотря на высокие каблуки. Темные волосы восхитительно блестели. Рядом с девушкой семенил на поводке крошечный лохматенький песик неизвестной Федору Михайловичу породы. Ошейник на песике был тоже зеленый — под цвет девушкиного костюма.

«Дама с собачкой», — определил Федор Михайлович.

И еще он подумал привычную чужую мысль: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и костюм, и собачка».

Хотя про собачку в первоисточнике, кажется, не было.

В это время песик увидел под водосточной трубой что-то очень для себя интересное — не то обглоданную другой собакой старую кость, не то брошенную за ненадобностью рваную рабочую рукавицу. Он глухо рыкнул совсем как настоящая собака и бросился на находку так резво, что дама едва устояла на ногах.

— Пуишечка, детка, — мелодичным голосом сказала она, ничуть не рассердившись, — не нужно хватать эту гадость. Ты запачкаешься. Мы же идем в кафе...

Песик не внял голосу разума, тогда дама твердой рукой оттащила его от вожделенной находки. Они подошли к переходу, хозяйка подхватила своего песика под мышку, и вскоре парочка скрылась за дверью кафе, что располагалось почти напротив постоянного места дислокации Федора

Михайловича. Улица была широкая, да еще окна кафе были закрыты яркими шторами, так что Федор Михайлович с сожалением отвел глаза — все равно на таком расстоянии не разглядеть было так понравившуюся ему таинственную незнакомку.

«Она ушла, исчезло вдохновенье...» — подумал Федор Михайлович не совсем подходящую к случаю мысль.

Держа песика под мышкой, Лола вошла в кафе и подошла к стойке. Народу в кафе было совсем немного — позднее утро, те, кто хотел позавтракать, уже благополучно осуществили свое намерение, время же ланча еще не настало. Впрочем, в этом кафе подавали только легкие салаты, десерты, разнообразные пирожные и кофе, так что нашествие народа в скором времени не ожидалось.

— Нам фруктовый салат... — тянула Лола, — кофе по-венски... только сливок, пожалуйста, побольше... стакан минеральной воды... у вас есть миндальные пирожные?

Девушка за стойкой ткнула рукой в витрину. Лола придирчиво изучила ассортимент.

— Дорогой! — обратилась она к Пу И с наигранным возмущением. — У них нет того, что тебе нравится! Миндальные трубочки слишком сладкие, ты испортишь себе зубки, бисквит ты не любишь... у вас очень скудный ассортимент пирожных! — возмущенно обратилась Лола к девушке за стойкой.

Та ничего не ответила, но во взгляде, которым

она исподтишка окинула Лолу, не было сердечности.

— Может быть, пойдем в другое кафе? — в задумчивости спросила Лола у песика.

Тот ответил возмущенным лаем, что хочет остаться в этом.

— Ну хорошо, — смягчилась Лола и обратилась к девушке. — Дайте нам, пожалуйста, два вон тех пирожных, маленьких, с миндальной стружкой. Дорогой, дай слово, что ты не станешь просить взбитых сливок, у тебя от них расстраивается животик...

Пу И дипломатично отвернулся, чтобы не давать опрометчиво честного слова, девица же за стойкой поглядела на Лолу с откровенной ненавистью. Лола предпочла не отвечать на такой откровенный взгляд, перехватила поудобнее Пу И и отправилась в дальний угол — следовало считаться с посетителями, вдруг кто-нибудь проявит недовольство таким соседством.

Принесли заказ. Лола с возмущением отказалась от пакетика сахара, предложенного официанткой. Она пила кофе со сливками, но всегда исключительно без сахара.

Пу И решительно потребовал пирожных. Лола пыталась скормить ему пирожное так, чтобы песику не достались взбитые сливки. Сливки Пу И тоже очень любил, но Лоле совершенно не улыбалось возиться весь вечер с больной собакой, поэтому она пыталась проявить твердость. Пу И настаивал, Лола не уступала. В конце концов им

сделали замечание и попросили вести себя потише.

— Ужасная собака! — со слезами в голосе воскликнула Лола, как если бы говорилось: «Ужасный ребенок!»

Это еще больше подстегнуло Пу И, он и не думал успокаиваться. Напротив, он изловчился и очень удачно опрокинул на Лолу вазочку с фруктовым салатом. Лола рассвирепела: этот костюм она надевала всего третий раз. А самое главное — как теперь добираться до дома? Лола сердито обмотала поводок вокруг ножки столика, велела Пу И сидеть смирно и ненадолго скрылась в туалете.

Когда же она вернулась — очень быстро, потому что прекрасно знала нрав своей собаки, поэтому только наскоро замыла пятна и промокнула их бумажной салфеткой, — то выяснилось, что предчувствия ее не обманули.

Поводок был все так же завязан на ножке столика, но на другом его конце ждал Лолу только одинокий крошечный ошейничек зеленого цвета — под цвет ее безнадежно испорченного брючного костюма.

Лола покачнулась, чувствуя, что у нее темнеет в глазах. Все ее страшные сны оказывались явью: Пу И пропал.

Она попробовала взять себя в руки и заглянула под стол. Там никого не было. Она обежала все помещение кафе, взывая жалобно: «Пу И, детка, где ты? Иди к мамочке!»

Все было напрасно. Она обратилась с вопро-